

«ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ» ДАВИДА САМОЙЛОВА КАК СИНТЕЗ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ, ИСТОРИЧЕСКИХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАЧАЛ

Статья посвящена малоизученному прозаическому произведению Давида Самойлова «Памятные записки» как синтезу беллетристических, исторических и автобиографических начал.

Автором также актуализируется внимание на жанровой специфике этого произведения. Книга, собранная из очерков, дневников, повествующая о русской литературе и общественной мысли XX века, основанная на исторических фактах и документах, открыла принципиально новую, не известную ранее грань творчества Самойлова. «Памятные записки» – произведение сложного жанра. Это одновременно и дневник, и мемуары, и очерк, и эссе, и философский трактат. Автор статьи приходит к выводу, что это – автоэпитафия.

Ключевые слова: проза, поэзия, беллетристика, история, автобиография, книга, очерки, дневники, заметки на полях, эпоха, литература, жанр, эссе, мемуары, философский трактат, автоэпитафия.

N. V. Kononova

DAVID SAMOILOV'S "MEMORANDA" AS A SYNTHESIS OF THE FICTIONAL, HISTORICAL AND AUTOBIOGRAPHICAL BEGINNINGS

The article is devoted to David Samoilov's poorly studied prosaic work 'Memoranda' as a synthesis of the fictional, historical and autobiographical beginnings.

The author of the article also pays attention to genre specifics of this work. The book that contains different sketches, diaries with the narration about Russian literature and public thought of the 20th century, is based upon some historical facts and documents and opened a new, unheard of before, creative side of Samoilov. 'Memoranda' is a work of a difficult genre. It is diary and memoirs, sketch and essay, and philosophical treatise. The author of the article comes to a conclusion that it is an autoepitaph.

Key words: prose, poetry, fiction, history, autobiography, book, sketches, diaries, marginal notes, era, literature, genre, essay, memoirs, philosophical treatise, autoepitaph.

Давид Самойлов хорошо известен и исследован прежде всего как поэт. Моё обращение к «Памятным запискам» связано с задачей показать значение этого малоизученного прозаического произведения в литературном процессе XX века.

Заглавие «в плане семиотическом – первый знак текста» – «знаковой модели некоторого мыслительного содержания», выполняет «тематизирующую, символизирующую, ассоциирующую функцию в тексте» (<http://www.referat.ru/referats/view/20525>). Заглавие – один из важнейших элементов смысловой и эстетической организации художественного текста. В этом плане заголовок всей книги «Памятные записки» себя оправдывает. От удачно выбранного заглавия, как известно, во многом зависит и судьба книги. «Памятные записки» – прежде всего книга – литературное произведение, предназначенное для печати. Заглавие задаёт сюжетную перспективу книги: это воспоминания, в которые вложены философия жизни и души автора, его взгляды, идеалы.

Так, кстати сказать, называлась и книга Лазаря Моисеевича Кагановича – крупнейшего деятеля сталинской эпохи, многолетнего члена Политбюро, «отца московского метрополитена». «Памятные записки» Л. М. Кагановича в отличие от произведения Давида Самойлова – это книга воспоминаний политика, а не художника, в большей степени основанная на исторических фактах, документах эпохи. Хотя и содержит в себе элементы автобиографии.

Давид Самойлов, как человек весьма образованный, знающий историю, не мог не знать о книге Лазаря Кагановича. Хотя документальных подтверждений этому я не обнаружила. В Москве книга Кагановича была опубликована только в 1996 году, спустя год после выхода книги Самойлова. Существование воспоминаний Кагановича до 1996 года подвергалось сомнению. Тридцать лет он был «фигурой умолчания».

Имплицитная связь «Памятных записок» Самойлова и книги Кагановича с тем же названием, безусловно, существует. «Памятные записки» Кагановича так же представляют собой синтез исторических, беллетристических и автобиографических начал.

«Памятные записки» Самойлова – не произвольное, а глубоко осмысленное заглавие книги, посвященной вечным и нерешенным вопросам жизни, литературы, истории, судьбы художника; на страницах ее мы наблюдаем непрестанные поиски мысли, споры и сомнения, воззрения на жизнь, философские идеи. Книгу подготовила к печати вдова Самойлова – Галина Ивановна Медведева.

Книга, собранная из очерков, дневников, ранее появлявшихся в печати (в журналах «Аврора», «Нева», «Знамя», «Вопросы литературы» и других изданиях), собранная из мимолетных, но глубоких записей, даже просто из заметок на полях, представляет нам другую ипостась поэта – его философию, «лик мыслителя», по определению И. Пруссакковой (Пруссакова, 1996, с. 202). Перед нами целое и цельное мировоззрение, складывающееся годами. С 1934 года Д. Самойлов вел дневник, многие записи из которого послужили основой его прозаических произведений – «Памятных записок» и «Поденных записей», изданных после смерти книгами.

В свои пятнадцать лет Давид Самойлов писал: *«Мой дневник явится со временем и довольно интересным с исторической стороны произведением. Постольку, поскольку целью его является оценка самого себя и создание автобиографической повести, я должен дать не только свои переживания и мысли, но и эпоху, и великих людей, и общество моего времени»* (Самойлов, 1999).

«Памятные записки» – захватывающее прозаическое повествование о русской литературе и общественной мысли XX века, основанное на исторических фактах и документах, открыли принципиально новую, не известную ранее читателю грань творчества Давида Самойлова.

«Памятные записки» – произведение сложного жанра. Они были задуманы как история собственной жизни. Однако в них нашли отражение не только элементы биографии поэта, но и основные вехи судьбы так называемого «военного поколения». В жанровом отношении – это сплав, синтез своеобразной эссеистики, живой и увлекательной мемуаристики с кропотливым социально-психологическим исследованием времени. В. Лавров, не давая чёткого определения, в каком жанре написаны «Памятные записки», объясняет причину обращения поэта к прозе: *«К документально-художественным жанрам обратился и Давид Самойлов, один из лучших поэтов второй половины столетия, вдруг почувствовав, что пережитое не вмещается в стихи и поэмы»* (Лавров, 1996, с. 199). Первостепенным фактором, сыгравшим роль в выборе между прозой и поэзией, было желание поэта осмыслить прошлое, происходящее, современников, *«не цепляясь за милые сердцу детали, а пытаясь прежде всего разглядеть характеры»* (Лавров, 1996, с. 199).

Книга написана со сдержанной страстностью. Давид Самойлов, по мнению В. Лаврова, не просто вспоминал пережитое, но и давал очень лаконичные, отточенные, художественно выразительные характеристики времени и людям, с которыми сводила судьба (Лавров, 1996). Этот труд по подведению итогов и анализу накопленного опыта, увы, не был завершён.

По мнению ряда исследователей творчества Самойлова, книга «Памятные записки» явилась яркой искрой, высвечивающей всю неординарную личность автора. Так, И. Пруссасова отмечает, что в этой прозаической работе многие черты характера поэта обнаружались с особой силой: *«Для читателя 60–70-ых годов он был одним из самых тонких лириков, но сам себя зачастую чувствовал шутком, потешником, сродни скоморохам, уличным клоунам. А не на бумаге, в жизни и впрямь бывал смешлив, остроумен, и нередко – зло насмешлив. Эта сторона его личности в новой книге выступает ярче, чем в стихах»* (Пруссасова, 1996, с. 202). *«Россия, – по мнению Давида Самойлова, – не доросла до христианства»:*

«Невольная ошибка людей веры в том, что они, став людьми церкви, полагают, что стали верующими христианами. Божья благодать кажется им легко достижимой посредством омовения, помазания и причастия.

Истинная религиозность, вера в Бога дается с трудом: либо собственным глубоким прозрением в Бога, либо принятой безропотно мукой, либо строем и направлением жизни, воспринятым с детства как данность, то есть в конечном счёте – той же выстраданностью, но исторической, семейно-традиционной. Глубокое же прозрение – явление редчайшее» (Самойлов, 1995, с. 452–453).

Проза поэта – всегда явление особенное, в чем-то нарушающее законы жанра, принимающее не свои правила, тяготеющее к иным созвучиям. Такова и проза Давида Самойлова, проза, вытекающая из поэтического восприятия мира, существующая рядом со стихами, вместе со стихами, вперемешку со стихами и отстранённо от них. Поэтический взгляд на вещи, порой, самый глубокий и верный. По мнению Е. А. Маймина, «поэтический путь познания – истинный путь» (<http://lib.com.ru/moshkov4/LITRA/odojevskij/odoevsky.html>).

«Звание историка, – писал А. С. Хомяков, – требует редкого соединения качеств разнородных: учености, беспристрастия, многообъемлющего взгляда, Лейбницевой способности сближать самые далекие предметы и происшествя, Гриммова терпения в разборе самых мелких подробностей и проч., и проч. ... Выше и полезнее всех этих достоинств – чувство поэта и художника. Ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам; чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, не обмануться не может» (Хомяков, 1990, с. 31).

Главный герой книги Самойлова, выражаясь метафорически, – жизнь мысли.

Прозе поэта Давида Самойлова свойственна простота стиля. Содержание книги – не протоколирование жизни, а эмоциональные, субъективные размышления. Это лирическая проза поэта по мышлению и организации, а не по звукописи, метафоричности и метонимичности, как у Б. Пастернака. Г. И. Медведева отмечала, что: *«Проза поэта – особая область сцеплений. И путь к ней (или отсутствию) всякий раз окрашен индивидуальностью».* *«Где-то во второй половине шестидесятых годов, – продолжает вдова Самойлова, – поэт начал заново оглядываться на уже пройденный – человечески и творчески – «второй перевал» и думать и говорить о том, что «весь опыт не умещается в стихи».*

«Памятные записки» вынашивались и осуществлялись для передачи не одного лишь житейского или сугубо литературного опыта». «Образы времен – трагических, бурных, суровых, опасных – словом, всяких, выпавших на долю («Мне выпало горе родиться в двадцатом, в проклятом году и в столетье проклятом»), витали буквально над каждой главой и над каждой страницей» (Медведева, 1995, с. 5-8).

«За общим столом собирались – молодые литераторы, актеры, актрисы, поэты, писатели. <...> Разговаривали о стихах, истории, женской красоте, футболе, новых книгах, фильмах, спектаклях, о Византии, России, пели «Бригантину» Павла Когана, «Одессу-мату», «под аккомпанемент Миши Зива, с восторгом и смехом – из запрещенной оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда. <...>

В конце 1952 года Борис Слуцкий предложил Юрию Тимофееву распустить «присе-как». “Здесь у Вас, – говорил Слуцкий, – каждый день собираются люди. Вы далеко не всегда знаете, кто сидит за столом. Это может плохо кончиться”. Ведь все тогда знали, что

происходит вокруг. Готовился процесс «врачей – убийц», на радио увольняли редакторов с плохим пятым пунктом. Впоследствии выяснилось, что было заведено дело «еврейского террористического центра» под руководством Ю. П. Тимофеева.

«Какое тысячелетие на дворе», мы понимали. И все же мы продолжали встречаться. Почти каждый вечер. «Присекак» оберегал нас от окружающего кошмара» (<http://magazines.russ.ru/voplit/2001/4/kuzn-pr.html>). Давид Самойлов характеризует это время как «страшное восьмилетие», «опасное», когда собираться больше трех не рекомендовалось. А еще говорили, что каждый третий доносчик. Пронесенный через всю жизнь вкус к истории предопределил и чисто исследовательский ракурс. «Ритмическая организация прозы, – пишет Медведева, – сложившаяся «на слух», по принципу музыкального произведения, выдает-таки поэта, как ни снижал он «скукой» и отсутствием «истинного дара прозаика» цену своего многолетнего труда. И как ни пытался отделить основное призвание от добровольно взваленной на себя огромной по объему и заданию работы» (Медведева, 1995, с. 8).

Немаловажной доминантой в обращении поэта к прозе явилось, возможно, стремление к поиску новой художественной позиции. Обращение к прозе возникает на определенном этапе жизненного пути поэта и обусловлено в значительной степени внутренними причинами. Это связано с необходимостью передышки, переосмысления сделанного, поиска нового состояния – состояния подведения итогов. Самойлов, возможно, почувствовал, что стихи уже не вмещают всю палитру пережитых эмоций и бесценный багаж опыта.

В настоящий момент «проза поэта» представляет особое жанровое образование, характерное для литературы XX века. Суждения самих поэтов и исследователей, занимающихся анализом данного явления (И. Бродский, Р. Якобсон, М. Эпштейн), позволяют отметить, что проза поэта находится в тесной связи и зависимости от поэтического творчества. К примеру, в эссе «Поэт и проза» И. Бродский называет «внешние» причины обращения поэта к прозе: «нужда или невежество рецензента, не говоря уже о простой почте, рано или поздно заставят его (поэта) писать в строчку, как все люди» (Бродский, 2002, с. 70).

«Памятные записки», объемом в 475 страниц, состоят из шести глав, пять из которых не имеют ни заглавий, ни жанровой квалификации, повествуют «о времени и о себе». В этих пяти главах находят место трогательные, сугубо личные, дневниковые, ностальгические воспоминания о своем детстве, доме, квартире, семье, отце, ориентированном на нравственные нормы, восходящие к Библии, и имевшем огромное влияние на Самойлова.

В книге бесконечен охват событий, лиц, школьных друзей и соперников, в неё также инкорпорировано повествование о друге-враге Б. Слуцком. В своих воспоминаниях Давид Самойлов пишет и о своей любви к Борису Слуцкому, и о своих с ним принципиальных разногласиях.

Например: «Поэт государственный по заданию, но не признанный государством, готовый служить, но не ставший прислуживать, он формировался поэтом гражданским в самом лучшем варианте этого понятия. <...> Слуцкий находился в наибольшей готовности к высокой службе государственных поэтов. Уже после войны он сказал мне: «Я хочу писать для умных секретарей обкомов». <...> Слуцкий понимал, что такое талант, и был выше зависти; умел отличать ум от глупости, различать добро и зло» (Самойлов, 1995, с. 153–173).

Давид Самойлов в своих записях не скрывает творческой зависимости от Слуцкого. В 1951 году он задал Борису Слуцкому вопрос, любит ли он Сталина. «Помолчав, Слуцкий ответил: «В общем, да. А ты? – В общем, нет», – ответил Давид Самойлов. <...> Но это – в общем. В частности мы были согласны. <...> Позже любовь к Сталину рухнула и в Слуцком. Слуцкий никогда не менял веры. Он впоследствии разочаровался в политике и в реальности. Талант его выше веры, сильнее формул и насильственных метафор» (Самойлов, 1995, с. 153–173).

«И если еще в довоенное время Б. Слуцкий читал стихи о комиссарах, о допросах, о Частях особого назначения, боевых отрядах Чека, он был тогда влюблен в образ человека

в кожаной куртке, <...> у Самойлова вдруг зазвучала совсем другая нота» (<http://magazines.russ.ru/voplit/2001/4/kuzn-pr.html>).

Плотники о плаху притупили топоры.

Им не вешать, им не плакать – сколотили наскоро.

(Самойлов, 2006, с. 57).

Семнадцатилетний поэт пишет о палаче:

Шёл палач, закрытой маской, – чтоб не устыдиться,

Чтобы не испачкаться – в кожаных перчатках.

(Самойлов, 2006, с. 57).

В одном из писем к Борису Слуцкому (1956 год) Давид Самойлов пишет: «Честного и бесчестного Растиньяка объединяет одно – инстинктивный восторг перед официальной иерархией и стремление занять в ней место. «Честным Растиньяком» был Симонов, покойный Гудзенко, и Саика Межиров... Та же опасность грозит и тебе». На что Борис Слуцкий ответил: «Ты для меня не идеолог». Этим письмом завершились серьезные разговоры с Борисом Слуцким. «Мы друг другу не нравились, но крепко любили друг друга.<...> «Я не знаю подлинной дружбы без спора, без тягания», – писал Давид Самойлов (Самойлов, 1995, с. 164, 173).

Интересны серьезные размышления поэта о «странном» чувстве свободы, об ифлийской поэзии, о мастерской стиха. Немало страниц посвящено А. Ахматовой, Б. Пастернаку, Н. Заболоцкому, П. Когану, М. Кульницкому, А. Солженицыну, И. Эренбургу, С. Кирсанову, Ландау, Мартынову...

Прозаический текст Давида Самойлова «Памятные записки» – это особая форма функционирования имен собственных, входящих в художественный текст и подчас окруженных ореолом некоторой мифологизации. Имя человека в книге – это, выражаясь метафорически, – портрет советской эпохи с её основными вехами, характерными явлениями, событиями на протяжении довольно длительного промежутка времени – с 1917 по 1990 год.

Для Давида Самойлова – поэта и человека – характерно острое ощущение времени. В 1979 году в «Свободном стихе» он писал:

Я рос соответственно времени.

В детстве был ребёнком.

В юности юношей.

В зрелости зрелым.

Поэтому в тридцатые годы

Я любил тридцатые годы,

В сороковые

Любил сороковые.

В шестидесятые годы

Я понимал шестидесятые годы.

И теперь понимаю,

Что происходит

И что произойдёт

Из того, что происходит.

И не знаю, что будет со мной,

Когда придёт не моё время.

И не страшусь.

(Самойлов, 2006, с. 264–265).

Имена собственные, среди которых по частотности доминируют имена писателей, поэтов, творческой интеллигенции, Самойлов использует в качестве временных маркеров. Имя собственное – это и судьба человека, часто окруженная мифическим ореолом, и мини-сюжет макромира, и инструмент для исследования времени, и «портрет эпохи».

Подчеркивая честолюбие Эренбурга и малый потенциал таланта, Самойлов актуализирует его сознательный выбор *«стать писателем при политике. Стать литературной обслугой сталинизма»*. При этом, оставаясь западником, модернистом, Эренбург стал *«крайним западным флангом сталинизма. Он ложь царям с улыбкой говорил»*. Поэт усложняет характер Эренбурга негативными коннотациями: *«всю жизнь петлял, плутал, путал, запутывал лихо, поэзии нет в его природе; писал о временном, делая вид, что пишет о времени; рано понял свою второстепенность, второй сорт выдает за первый, ложь была его убеждением»*). В годы хрущевской оттепели Илья Эренбург положительно влиял своим вкусом на молодежь, высоко оценивая Аполлинера, Пикассо и Шагала. Но именно это и раздражало власть и начальство от культуры. *«Осенью 1962 года незабвенный Никита Сергеевич на Эренбурга топал ногами. <...> После очередного начальственного «цыц!» литературе Эренбург впал в депрессию. Мог бы под старость сказать верное слово, но не сказал. То ли сил не хватило, то ли отваги. У нас за это не судят»* (Самойлов, 1995, с. 241–246).

И только шестая глава маркирована Давидом Самойловым как эссе.

По мнению М. Эпштейна, эссеистика – *«скорее наджанровая система»* (Эпштейн, 1998, с. 337). Рассматривая эссе как жанр, Учёный, вычленяет *«принципиальную внежанровость»* как жанровую доминанту. В эссе соединяются и бытийная достоверность, идущая от дневника, и мыслительная обобщенность, идущая от философии, и образная конкретность и пластичность, идущая от литературы. Но основное, что необходимо отметить в качестве ядра в эссе, – это *«наличие в глубине эссе определённой концепции человека, которая и придаёт связанное единство всем тем внешним признакам жанра, которые обычно перечисляются в энциклопедиях и словарях: небольшой объём, конкретная тема и подчеркнута субъективная ее трактовка, свободная композиция, склонность к парадоксам, ориентация на разговорную речь и т. д.»* (Эпштейн, 1998, с. 337). В литературоведении распространён взгляд на эссе как на разновидность очерка.

В этой шестой части книги Самойлов также пишет об известных современниках, исторических лицах, политических деятелях, писателях и поэтах. Личностное начало и субъективная оценка очень сильны во всех текстах *«Памятных записок»*.

Шестая часть книги содержит сорок четыре прозаических текста изящной словесности, художественной прозы повествовательного характера, читаемой легко и непринужденно, как и все тексты *«Памятных записок»*, по своей природе беллетристических. Приведу некоторые заглавия шестой части книги: *«О презрении к народу власти и интеллигенции»*, *«О «маленьком человеке»*, *«О сытости и нравственности»*, *«О фашистах»*, *«Об аристократизме и преемственности власти»*, *«Современное суперменство (о мафиозном сознании)»*, *«О «деревенской прозе»*, *«О Шукшине»*, *«О Бродском»*, *«О терпимости»*, *«Тридцать седьмой»*, *«Равенство и хамы»*, *«Ленин и философия «конца века»*, *«Копелев об эмиграции»*, *«Еврейский вопрос»*, *«Об отъездах»*, *«О современных христианах»*, *«М. Харитонов. Ирония у Манна»*, *«О современной церкви»*, *«(Без названия)»*.

Перечисленные тексты – *«краткие, бликующие»*, по выражению Галины Медведевой, *«соображения на самые разные темы – от житейских и литературных до социальных и метафизических, собранные воедино, получили название эссе уже после кончины автора»* (Медведева, 1995, с. 427).

Эссе не имеют тематических ограничений, тем не менее, тема поэта и поэзии, занимает важное ключевое место во всей книге, и в шестой ее части. Эссе несут разнообразную информацию, содержат размышления, наблюдения, советы, вопросы, выражают различные эмоции автора. Заглавие эссе не находится в прямой зависимости от содержания, у Самойлова же связь заглавия и содержания не просто существует, а подчеркнута. Нередко семантика заглавия эссе проецируется на рассматриваемую в нем тему. В эссе встречаются любимые автором афоризмы.

«Мафиозность – глубочайшая черта современного самосознания»; *«Деревенская проза» – свидетельство того, что деревни нет»*; *«Калина красная» – американский сценарий»*;

«Бродский по всем канонам читает плохо – прерывисто, картаво, гнусаво, зацепляя строчку за строчкой, мотая головой, – но так убедительно, что получается лучше лучшего и запоминается навсегда» (Самойлов, 1995, с. 435, 438, 439). *«Пора власти, успевшей не только обокрасть и обожрать, но и уже понять вред и безнравственность жратвы и воровства и почувствовать существование народа, свое отличие от него, свою благодарность к нему»* (Самойлов, 1995, с. 429); *«Отвечать злом на зло нельзя. Ибо у зла есть свойство возрастать. <...> Но и добром на зло отвечать нельзя, ибо это значит попустительствовать злу, уступить ему. Так как же все-таки поступать? Борьба со злом можно только стойкостью против зла, неподверженностью злу, вытравливанием его из себя.*

Борьба со злом можно только созданием атмосферы, где зло задыхается, где не может существовать. Один на один со злом не поборешься, потому что оно множественно. Добро может существовать как единичная личность. Зло возможно только как коллективное проявление, ибо у зла нет своей воли, а только множественная. Стойкость против зла разбивает это множество, лишает его воли» (Самойлов, 1995, с. 430).

Тексты книги вполне могут существовать и как самостоятельные, не случайно «сложились» они воедино из дневниковых записей. Самойлов в прозе тяготеет к фрагментарным формам литературы. Тем не менее существует глубинная связь между главами книги и текстами шестой главы. Ведь создавались они на основе более или менее цельной философской концепции, на основе одного героя – жизни мыслей поэта, поэтических ассоциаций, сюжета, построенного не по логике системы событий, а по принципу «интеллектуального монтажа». Сюжет *«определяется не связью и отношениями образов-персонажей, а кругом идей, их движением и их жизнью»* (<http://lib.com.ru/moshkov4/LITRA/odojevskij/odoevsky.html>).

Важной особенностью художественного метода Самойлова является то, что он выстраивает свои тексты по принципу параллелей: прошлое – настоящее. Общие темы, мотивы придают разрозненным текстам некую общность, тематическую завершенность. Текст, завершающий всю книгу («Без названия»), является выводом, итогом всему тому, что хотел сказать своей прозой Давид Самойлов.

Позиция Давида Самойлова сводится к вселенской идее добра: *«Я не хочу никакого христианства, иудаизма, мусульманства или буддизма. Я против любых названий, религий или идеологий. Я хочу одного – любви, терпимости и вселенской идеи. И уверен, что все это возможно и в пределах благородного сознания интеллигента нашего века. Верьте, но не перевирайте, любите, но не перелюбливайте. Хотите Бога – имейте его. Не хотите – все равно будьте терпимы и принадлежите вселенской идее добра. Всё остальное – словеса, пустота, безобразия»* (Самойлов, 1995, с. 456).

Таким образом, Самойлов в «Памятных записках» – прозаическом произведении, близком к мемуарно-публицистическому жанру, представляющем собой синтез философского, беллетристического, критического, исторического, автобиографического начал с сильным лирическим переживанием, где одним из часто используемых приемов является антитеза, – и в подборке имен, и в аспекте характеристики образов, – высказал наиболее глубокое.

Нельзя не отметить широту его взглядов, интересов, своеобразный универсализм, высокий уровень нравственных требований, сильный общественный темперамент, внутреннюю раскованность и свободу, оригинальность мысли.

Книга «Памятные записки» Давида Самойлова органично продолжила страницы дневников, содержащих характеристики века, судеб, отдельных лиц; многие тексты в ней отточены до афоризма. Книга, бесспорно, яркая, значительная и интересная, относящаяся к сложному жанру. Это одновременно и дневник, и мемуары, и очерк, и эссе, и философский трактат, но, прежде всего, по аналогии с «Охранной грамотой» Б. Пастернака, на мой взгляд, – это автоэпитафия.

Литература

1. Бродский И., 2002. Собр. соч., т. 4. СПб. : Наука.
2. См. : Взаимосвязь заглавия и глубинного текста в кратком художественном рассказе: <http://www.referat.ru/referats/view/20525>
3. Кузнецов И. О, молодость послевоенная... // <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/4/kuzn-pr.html>.
4. Лавров В., 1996. Преступленья тайных дум. Заметки о документально-художественной прозе // Нева. № 3. С. 180-211
5. Маймин Е. А. «Русские ночи» В. Одоевского: <http://lib.com.ru/moshkov4/LITRA/odojevskij/odoevsky.html>.
6. Медведева Г., 1995. Предисловие // Давид Самойлов. Памятные записки. М. : Международные отношения.
7. Пруссакова И., 1996. Музыка и мудрость // Нева. № 3.
8. Самойлов Д., 1995. Памятные записки. М. : Международные отношения.
9. Самойлов Д., 1999. Дневник счастливого мальчика // <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/samoi-lov.html>
10. Самойлов Д. С., 2006. Стихотворения. СПб. : Новая библиотека поэта.
11. Хомяков А. С., 1990. Записки о всемирной истории. Ч. 1. Полн. собр. соч., т. 5. М. : Наука.
12. Эпштейн М., 1988. На перекрестке образа и понятия: эссеизм в культуре Нового времени // Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М. : Наука.